

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 454–460

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 454–460

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-454-460>, EDN: LHBPKD

Научная статья
УДК 327.8

Основные тенденции участия отечественных представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме

П. И. Пашковский

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Пашковский Пётр Игоревич, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности функционирования ранних моделей российского внешнеполитического механизма. С учётом этого в процессе исследования были применены институциональный, историко-генетический и деятельностный методы. На основе ретроспективного анализа охарактеризованы традиционные черты отечественных систем принятия и реализации внешнеполитических решений, которые функционировали в рамках Древнерусского государства, Московского государства и Российской империи. Выявлено пять основных моделей механизма формирования и реализации внешней политики, которые характеризовались разной степенью субъектности представительных институтов: 1) система принятия внешнеполитических решений в древнерусских княжествах в X–XIV вв. (высокая степень субъектности вече при активизации внешних угроз и внутренней нестабильности); 2) механизм формирования и реализации внешней политики Московского государства в XVI–XVII вв. (увеличение субъектности Боярской думы и Земского собора в условиях обострения внешних угроз и внутренних кризисных проявлений); 3) внешнеполитический механизм Российской империи в XVIII – начале XX в. (низкая субъектность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в обстоятельствах постоянных внешних угроз, усиления центральной власти и относительной внутривластной стабилизации); 4) механизм внешнеполитической деятельности Российской империи в 1906–1917 гг. (более высокий уровень субъектности Государственной Думы на фоне кризиса международной системы, обострения внешних угроз и внутренних экономических и политических проблем); 5) условно выделяемый внешнеполитический механизм, функционировавший в период после Февральской революции 1917 г. до образования СССР (девиантная модель: противоречия между Петроградским Советом и Временным правительством по внешнеполитическим вопросам в условиях трансформации системы международных отношений, активизации внешних угроз и внутренних потрясений). Установлено, что общим для данных моделей (кроме последней, которая представляется особым случаем) было наличие внутри государственной бюрократии доминирующей роли «первого лица», которое на разных исторических этапах могло располагать полномочиями полководца и суверена, оказывая наибольшее влияние на процесс формирования государственной внешней политики. При этом верховный руководитель в реализации своих функций во внешнеполитической сфере, как правило, опирался на узкий круг доверенных лиц. Традиционно «силовые ведомства» (военное, морское, иностранных дел) подчинялись лично главе государства. Сделан вывод о том, что субъектность представительных институтов в рамках государственного внешнеполитического механизма увеличивалась в условиях усиления внешних угроз и внутренних кризисов и, соответственно, уменьшалась на фоне общей стабилизации и укрепления центральной власти.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, внешнеполитический механизм, внешнеполитическая традиция, международные отношения

Для цитирования: Пашковский П. И. Основные тенденции участия отечественных представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 454–460. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-454-460>, EDN: LHBPKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The main trends in the participation of domestic representative institutions in the state foreign policy mechanism

P. I. Pashkovsky

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Petr I. Pashkovsky, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Abstract. The article considers the features of the functioning of early models of the Russian foreign policy mechanism. With this in mind, in the process of research, institutional, historical-genetic and activity methods have been applied. On the basis of a retrospective analysis, the traditional features of domestic systems for making and implementing foreign policy decisions that functioned within the framework of the

Ancient Russian State, the Moscow State and the Russian Empire have been characterized. Five main models of the mechanism for the formation and implementation of foreign policy, which were characterized by varying degrees of subjectivity of representative institutions, have been identified: 1) the system of making foreign policy decisions in the Ancient Russian principalities in the X–XIV centuries (a high degree of subjectivity of the veche, taking into account the influence of the activation of external threats and internal instability); 2) the mechanism for the formation and implementation of the foreign policy of the Moscow State in the XVI–XVII centuries (increase in the subjectivity of the Boyar Duma and the Zemsky Sobor in the context of exacerbation of external threats and internal crisis manifestations); 3) foreign policy mechanism of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries (low subjectivity of the Senate, the Legislative Commissions, the State Council in the circumstances of constant external threats, the strengthening of central power and relative domestic political stabilization); 4) the mechanism of foreign policy activity of the Russian Empire in 1906–1917 (a higher level of subjectivity of the State Duma against the background of the crisis of the international system, the aggravation of external threats and internal economic and political problems); 5) a conventionally distinguished foreign policy mechanism that functioned in the period after the February Revolution of 1917 until the formation of the USSR (deviant model: contradictions between the Petrograd Soviet and the Provisional Government on foreign policy issues against the background of the transformation of the system of international relations, the activation of external threats and internal shocks). It has been established that these models (except for the last one, which seems to be a special case) have in common the presence within the state bureaucracy of the dominant role of the «first person», which, at different historical stages, could have the powers of a commander and sovereign, exerting the greatest influence on the process of foreign policy formation. At the same time, the supreme leader, as a rule, relied on a narrow circle of trusted persons in the implementation of their functions in the foreign policy sphere. Traditionally, «power departments» (military, naval, foreign affairs) were personally subordinated to the head of state. It is concluded that the subjectivity of representative institutions within the framework of the state foreign policy mechanism increased in the face of increased external threats and internal crises and, accordingly, decreased against the background of general stabilization and strengthening of the central government.

Keywords: Russia, foreign policy, foreign policy mechanism, foreign policy tradition, international relations

For citation: Pashkovsky P. I. The main trends in the participation of domestic representative institutions in the state foreign policy mechanism. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 454–460 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-454-460>, EDN: LHBPKD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В обстоятельствах усиления конфронтации России и коллективного Запада, производной чего становится многократное увеличение вызовов и угроз национальной безопасности нашей страны, возникает императив, связанный с проведением её эффективной внешней политики [1–3]. Формирование и реализация действенной внешнеполитической стратегии любого государства невозможны без комплексного анализа эволюции его внешнеполитического механизма [4], что открывает перспективы для выявления соответствующих тенденций, учёт которых – при условии выбора уместных аналогий и установления причинно-следственных связей – может способствовать повышению качества современных внешнеполитических решений [5, 6]. В связи с этим актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью прояснения ситуации относительно поиска адекватной степени субъектности парламента Российской Федерации во внешней политике в современных условиях, руководствуясь историческим опытом.

Проблематика российского внешнеполитического механизма рассматривалась отечественными исследователями [7–13] зачастую в контексте изучения определённых аспектов его функционирования на разных исторических этапах, не уделяя должного внимания особенностям генезиса и эволюции. В свою очередь, труды зарубежных авторов [14–22]

данной направленности характеризуются ситуативностью, когда, с одной стороны, подробно описываются типичные черты механизма формирования и реализации внешней политики, с другой стороны, практически не затрагиваются вопросы глубинных причин его деятельности, обусловленных спецификой внешнеполитической традиции России. При этом одной из наименее изученных проблем остаются особенности участия ранних форм отечественных представительных институтов в механизме формирования и реализации государственной внешней политики [23–35]. Представленная статья имеет целью обозначение основных тенденций участия российских представительных институтов во внешнеполитическом механизме государства в период их зарождения и становления.

В силу наличия множества определений понятия «внежнополитический механизм» (или его синонима – «механизм формирования и реализации внешней политики»), имеющих свои особенности, следует отметить, что в данном исследовании под таковым подразумевается политическая система, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики государства, учитывая распределение ресурсов для её реализации. Особой функциональностью отличается расширенный вариант трактовки содержания системы внешнеполи-

тического механизма, обозначающий, что взаимодействующие в ней элементы разделяются на конституционные (государственные органы) и внеконституционные (неправительственные организации, политические партии, общественное мнение и т. д.). В этом контексте процесс принятия внешнеполитических решений обусловливается влиянием внешних и внутренних факторов в их каждый раз специфическом соотношении [5, с. 455].

Выделяется ряд моделей отечественного внешнеполитического механизма, хронологически соотносящихся с этапами становления парламентаризма и характеризующихся определёнными особенностями. В свою очередь, понятие «ранние формы» российских представительных институтов и внешнеполитического механизма обусловлено наиболее распространённым вариантом периодизации, согласно которому к ним относят соответствующие проявления в рамках первого (истоки и предпосылки парламентаризма: X–XIX вв.) и второго (первый парламентский опыт: 1905–1917 гг.) этапов становления [36, 37].

Наиболее ранней считается модель механизма формирования и реализации внешней политики, проявившаяся в условиях древнерусских княжеств в X–XIV вв. [38]. Она отличалась тем, что основными субъектами принятия внешнеполитических решений были князь (игравший решающую роль), дружина и вече (народное собрание, в котором могли участвовать все свободные жители) [37], значение которого увеличивалось в периоды нарастания внешних угроз и внутренних кризисов.

В этом отношении особого внимания заслуживают примеры Новгородской и Псковской республик, которые рассматриваются исследователями в качестве «вершины вечевоего строя» [30]. Веча в Новгороде и Пскове – являясь верховными органами, решающими важнейшие государственные дела – оказывали значительное влияние на внешнюю политику городов [39, 40], что выражалось в принятии данными институтами обязательных для исполнения решений, касающихся войны и мира, посольских дел, торговли и других внешнеполитических вопросов [41, 42]. Примечательно, что в вечевых собраниях обеих республик при возможности участия всех свободных мужчин, глав семей и владельцев дворов решающее значение имели бояре [37, с. 64].

Относительно высокая степень субъектности отечественных представительных ин-

ститутов во внешнеполитических механизмах древнерусских княжеств осуществлялась в обстоятельствах перманентных внешних угроз и внутриполитической нестабильности. Функционирование указанных механизмов принятия и реализации внешнеполитических решений не отличалось системностью, будучи во многом детерминированным внешними и внутренними факторами, а также производными «незрелости» связей между взаимодействующими элементами в процессе принятия внешнеполитических решений.

Второй моделью российского внешнеполитического механизма представляется его пример, сложившийся в рамках Московского государства в XVI–XVII вв. Так, сначала в Казённом приказе появляется должность, ведавшая внешнеполитическими делами, а затем в этих целях формируется Посольский приказ, что означало обособление внешнеполитической службы [43, с. 10–11]. Тогда же появляется и военное ведомство, в составе которого находились Разрядный, Иноземный, Пушкарский и Стрелецкий приказы. Имелся и отдельный надзорный орган – Приказ тайных дел. При этом ключевую роль в принятии внешнеполитических решений играл великий князь (позже – царь), опираясь на Боярскую думу, значение которой увеличивалось в периоды кризисов и нестабильности [38, с. 102].

Важно отметить, что наибольшее влияние на все сферы государственной жизни, в том числе внешнюю политику, Боярская дума оказывала в годы Смутного времени [44, с. 366–386]. Помимо этого, в середине XVI в. появляются Земские соборы – высшие сословно-представительные учреждения, в состав которых входили Боярские думы, члены Освящённого собора (высшее духовенство), представители сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения [36, с. 54]. Они собирались по инициативе царя (в годы Смуты инициатором выступали патриарх или Боярская дума) для решения общегосударственных вопросов, в том числе внешнеполитических [41, с. 468]. Принято считать, что мнение Земского собора оказывало значительное влияние на вопросы, связанные с избранием монарха, объявлением войны или заключением мира [45, с. 108–109]. В дальнейшем стабилизация и укрепление абсолютизма во второй половине XVII в. приводят к ослаблению общего значения данных институтов и их возможностей воздействовать на внешнеполитический процесс [36, с. 54].

Исходя из сказанного, можно констатировать очередное проявление того, что высокая степень субъектности представительных институтов (Боярской думы и Земского собора) в XVI–XVII вв. в отношении влияния на решения государственных дел (в частности, во внешнеполитической сфере) имела место в условиях активизации внешних угроз и внутренних кризисов. Функциональность данной модели внешнеполитического механизма определялась большей, по сравнению с предыдущей, адаптацией к политическим реалиям, что подтверждается проведением интеграционной политики, способствовавшей увеличению государственной территории.

При Петре I система приказов была заменена на систему коллегий, функционально соотносимых с современными министерствами. В правление Александра I учреждаются профильные министерства, возглавляемые министрами, которые были ответственны перед императором, а коллегии становились совещательными органами при министерствах [46, 47]. Однако со времён укрепления абсолютной монархии и вплоть до начала XX в. – третья модель российского внешнеполитического механизма – верховное руководство внешней политикой оставалось прерогативой императора, опиравшегося, с одной стороны, на Государственный совет, а с другой – на (подчинявшиеся лично ему) Министерство иностранных дел, Военное министерство и Морское министерство [38, с. 102].

Действовавшие в XVIII – начале XX в. при главе государства представительные институты (Сенат, Уложенные комиссии, Государственный совет) выполняли законосовещательные функции, имея ограниченные возможности воздействия на механизм формирования и реализации внешней политики империи [36, 37]. Именно императору (с учётом наличия небольшой группы лиц из его «ближнего круга», располагавших значительным влиянием) в этот период принадлежали основные полномочия и реальные возможности в формировании государственной внешней политики [45].

В этом отношении низкая субъектность – в плане ограниченных возможностей влияния на государственную внешнюю политику – указанных представительных институтов и одновременно увеличение всесторонней власти монарха (и его «ближнего круга») происходили на фоне перманентной внешней угрозы и сравнительной внутренней стабилизации. Данная модель государственного внешнеполитического механизма была более функциональной,

чем предшествующая, что проявилось в относительно эффективной внешней и, в большей степени в интеграционной политике обернувшейся значительным расширением государственной территории.

В 1906–1917 гг., в условиях деятельности двухпалатного парламента Российской империи, внешнеполитический механизм существенно не изменился. При этом субъектность представительных органов во внешнеполитическом процессе – в первую очередь Государственной Думы – увеличилась [38], что представляет собой четвёртую модель.

Данная модель характеризовалась двумя особенностями. Во-первых, император сохранял прежние функции в контексте определяющего влияния на внешнюю политику государства. Во-вторых, появившаяся в лице Государственной Думы реальная представительная власть была способна оказывать существенное воздействие на механизм формирования и реализации внешнеполитических решений [24, 28, 37], чего не наблюдалось ранее.

В этот период повышение степени субъектности представительных институтов касательно их влияния на государственную внешнюю политику осуществлялось в условиях кризиса системы международных отношений, ослабления международных позиций России, усиления внешних угроз и внутренних политических и экономических проблем. Учитывая ход и результаты реализации внешнеполитического курса империи, эффективность данной модели внешнеполитического механизма можно поставить под сомнение.

На протяжении незначительного по продолжительности, в сравнении с предыдущими аналогами, периода после Февральской революции 1917 г. функционировала система принятия и реализации внешнеполитических решений, которую условно можно идентифицировать в качестве пятой модели отечественного внешнеполитического механизма. Она характеризовалась тем, что влияние Министерства иностранных дел было ограничено Петроградским Советом рабочих депутатов. Последнее стало следствием противоречий между Временным правительством и Петроградским Советом по вопросам, связанным с ведением войны, союзническими отношениями и значением внешней политики в рамках системы государственного управления [48, с. 51].

Указанная модель существенно отличалась от ранних примеров и в известном смысле представлялась девиацией, продемонстрировав про-

явления, отклонявшиеся от традиционных черт российского механизма принятия и реализации внешнеполитических решений. Кроме того, в силу обозначенных противоречий, внутренних и внешних факторов в это время осуществить эффективное реформирование государственного внешнеполитического механизма было невозможно [4, 13]. Условия для этого сложились только после образования СССР и последующего формирования советской модели внешнеполитического механизма [6, 7, 10, 12, 38], которая, учитывая ее специфику и наличие эволюции во взаимодействии элементов системы принятия внешнеполитических решений, заслуживает специального исследования.

В целом, условно выделенная пятая модель, с одной стороны, показала отклоняющийся от традиционной нормы пример внешнеполитического механизма (отсутствие определяющего влияния ярко выраженного «верховного руководителя» и тесно связанного с ним «ближнего круга» лиц), с другой стороны, подтвердила тенденцию увеличения субъектности представительных институтов в обстоятельствах обострения внешних угроз (Первая мировая война и военная интервенция) и внутренних катаклизмов (революция и Гражданская война). Низкая функциональность данной модели стала следствием вышеуказанных факторов, а также значительных разногласий между основными элементами сложившейся системы в процессе принятия внешнеполитических решений.

Таким образом, ретроспективный анализ демонстрирует наличие пяти ранних моделей отечественного механизма формирования и реализации внешней политики, в рамках которых проявлялась разная степень субъектности представительных институтов: 1) система принятия внешнеполитических решений в древнерусских княжествах в X–XIV вв. (высокая степень субъектности вече при активизации внешних угроз и внутренней нестабильности); 2) механизм формирования и реализации внешней политики Московского государства в XVI–XVII вв. (увеличение субъектности Боярской думы и Земского собора в условиях обострения внешних угроз и внутренних кризисных проявлений); 3) внешнеполитический механизм Российской империи в XVIII – начале XX в. (низкая субъектность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в обстоятельствах постоянных внешних угроз, усиления центральной власти и относительной внутриполитической стабилизации);

4) механизм внешнеполитической деятельности Российской империи в 1906–1917 гг. (более высокий уровень субъектности Государственной Думы на фоне кризиса международной системы, обострения внешних угроз и внутренних экономических и политических проблем); 5) условно выделяемый внешнеполитический механизм, функционировавший в период после Февральской революции 1917 г. до образования СССР (девиантная модель: противоречия между Петроградским Советом и Временным правительством по внешнеполитическим вопросам в условиях трансформации системы международных отношений, активизации внешних угроз и внутренних потрясений).

Что касается основных тенденций функционирования данных моделей отечественного механизма формирования и реализации внешней политики, то их (кроме последней, которая представляется особым случаем) объединяло наличие внутри государственной бюрократии доминирующей роли «первого лица», опиравшегося на узкий круг людей, располагавших особыми полномочиями. Это зародилось в условиях, когда верховный правитель был и полководцем, и сувереном, оказывавшим первостепенное влияние на вопросы войны и мира. В отдельных случаях его военная прерогатива могла делегироваться военачальникам, но и тогда дипломатические функции и общая координация внешнеполитических решений в возможностях верховного руководителя преимущественно сохранялись. При этом так называемые силовые ведомства – военное, морское и иностранных дел – традиционно подчинялись лично главе государства, который мог не занимать формальную должность руководителя исполнительной власти. Следует отметить, что влияние представительных институтов на процесс принятия внешнеполитических решений возрастало в периоды усиления внешних угроз и внутренних кризисов, уменьшаясь в условиях стабилизации и укрепления властной вертикали.

Список литературы

1. Баранов А. В. Задачи российской геополитики в Черноморском регионе в условиях специальной военной операции на Украине // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Касьянов А. В. Баранов. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 10–15. EDN: HZDTQE

2. Жильцов С. С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 2. С. 138–150. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-138-150>
3. Пашковский П. И. Опыт и перспективы взаимодействия России и современной мир-системы // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>
4. Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская полития на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / гл. ред., председ. Совета А. М. Салмин. М. : Летний сад, 2001. С. 102–210.
5. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 452–456. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456>
6. Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–346. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>
7. Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2 (29). С. 110–123. EDN: PFFVTT
8. Балугев Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия : в 4 т. / ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Т. I. Исследования. М. : Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. С. 351–382.
9. Борков А. В. Процесс формирования внешней политики в РФ и российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. № 1. С. 40–44. EDN: HQTEQR
10. Кортунов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpres.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 14.03.2023).
11. Косачев К. И. Внешнеполитическая вертикаль. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaya-vertikal/> (дата обращения: 14.03.2023).
12. Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. Зима–весна 2001. Т. 6, № 1–2. С. 7–30.
13. Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М. : Эксмо, 2015. 384 с.
14. Blank S. J. Towards a New Russia Policy. Carlisle Barracks : SSI US Army War College, 2008. 146 p.
15. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <https://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 14.03.2023).
16. Donaldson R. H., Noguee J. L. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. New York : M. E. Sharpe, 2005. 419 p.
17. Kanet R. E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. New York : Palgrave Macmillan, 2011. 296 p.
18. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. May/June 2016. Vol. 95, № 3. P. 2–9.
19. Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy // Foreign Affairs. September/October 2001. Vol. 80, № 5. P. 62–75.
20. Noguee J. L., Mitchell R. J. Russian Politics. The Struggle for a New Order. Boston ; London : Allyn and Bacon, 1996. 200 p.
21. Osipovich A. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. URL: <https://eurasianet.org/putin-not-medvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (дата обращения: 14.03.2023).
22. Roberts K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2017. Vol. 72, iss. 1. P. 28–55. <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>
23. Глейзнер Дж., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1997 годов : пер. с англ. М. : Московский общественный научный фонд, 1999. 68 с.
24. Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1995. 168 с.
25. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней : пер. с англ. М. : Европа, 2007. 688 с.
26. Мельников В. И. Парламентский контроль в сфере национальной безопасности в США и России: сравнительный политико-правовой анализ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 19–41.
27. Пайнс Р. Россия при старом режиме : пер. с англ. М. : Захаров, 2004. 496 с.
28. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917. Историко-правовой очерк. М. : Книга и бизнес, 1998. 624 с.
29. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) : пер. с англ. Смоленск : Русич, 2001. 512 с.
30. Чурбанов В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной Думы // Российская Федерация сегодня. 2005. № 22. С. 47–53.
31. Chaisty P. The Influence of Sectoral and Regional Economic Interests on Russian Legislative Behavior: The Case of State Duma Voting on Production Sharing Agreements Legislation // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, iss. 4. P. 302–328.

32. *Rusk D.* Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation // *World Affairs Interpreter*. 1955. Vol. 26, iss. 2. P. 121–138.
33. *Sakwa R.* Party and power: Between representation and mobilization in contemporary Russia // *East European Politics*. 2012. Vol. 28, iss. 3. P. 310–327. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.683784>
34. *Stavridis S.* Conclusions: Parliamentary Diplomacy as a Global Phenomenon // *Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance*. 2017. Vol. 13. P. 368–387.
35. *White D.* Re-Conceptualising Russian Party Politics // *East European Politics*. 2012. Vol. 28, iss. 3. P. 210–224.
36. *Гайсин У. Б., Филимонов М. А., Конюков Т. С.* Основные этапы становления и развития парламентаризма в России // *Парламентаризм в России: история и современность* : Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. ст. Уфа : УГАТУ, 2015. С. 51–81.
37. *Еременко В. И.* Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2013. 166 с.
38. *Пашковский П. И.* Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь : ИП Бровка А. А., 2023. 398 с.
39. *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. Ставрополь : Кавказский край, 1993. 416 с.
40. Псковский край в истории России / сост., науч. ред. Е. П. Иванов. Псков : ПОИПКРО, 1994. 400 с.
41. История России : в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. А. Н. Сахарова. М. : АСТ, 2009. 943 с.
42. Политическая история России : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Журавлева. М. : Юристъ, 1998. 696 с.
43. Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999 : учеб. пособие / редкол. : А. В. Торкунов (отв. ред.), А. Ю. Мельвиль, М. М. Наринский. М. : РОССПЭН, 2000. 328 с. (Учебники МГИМО).
44. *Скрынников Р.* Борис Годунов. М. : АСТ, 2003. 416 с.
45. *Никонов В. А.* Российская матрица. М. : Русское слово, 2014. 992 с.
46. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.) : словарь-справочник. Кн. 1 (А – Г). М. : Наука, 1996. 336 с.
47. Исторический энциклопедический словарь / И. Агева [и др.]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 922 с.
48. О механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации (аналитический доклад) / авт. кол. : В. М. Соловьев, А. А. Коробейников, С. В. Картунов, М. А. Краснов. М. : [Б. и.], 2002. 60 с.

Поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 29.09.2023